

Платки долой

«Снег» Орхана Памука

Кирилл Решетников

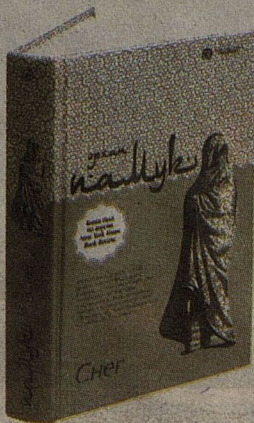
Героя современного турецкого романа зовут Ка — так он предпочитает себя называть, оставляя только первую букву от своего имени. Европейскому читателю, которому Орхан Памук в первую очередь обязан статусом турецкого писателя номер один, это короткое прозвище скажет гораздо больше, нежели Керим Алакуш-оглу (таково полное имя Ка). Для того чтобы усмотреть здесь переключку с романом Кафки «Процесс», не требуется особой прозорливости. Однако это скорее символический привет европейскому роману вообще (и, само собой, отнюдь не символический — европейскому читателю), чем намек на какие-либо особые параллели с «Процессом».

Процесс, в который оказывается вовлечен памуковский Ка, не обнаруживает ничего кафкианского. С другой стороны, имя Ка, возможно, не случайно начинается с той же буквы, что и Карс

(так называется городок, в котором разворачиваются события), а также слово «кар», означающее по-турецки «снег». Памук ухитрился написать правдоподобный политический детектив в специфически турецких тонах, поместив в самый центр событийного водоворота трогательную историю любви.

Если в классическом герметическом детективе английского образца непогода, отрезающая место действия от внешнего мира, стимулирует активность неизвестного убийцы, то у Памука снегопад, блокирующий Карс, обеспечивает идеальные условия для политического путча.

В городке, куда Ка приезжает после двенадцатилетнего пребывания во Франкфурте, кипят религиозно-политические страсти. Это место — самый настоящий ринг, на котором бьются сразу несколько соперников. Несмотря на то что памятный для турков путч 1980 года давно в прошлом, покой жителям Карса только снится. Радикальные ис-

Орхан Памук. Снег / Пер. с тур. А. Аврутиной. — СПб.: Амфора, 2006. — 542 с.

ламисты, их противники — сторонники идеологии Кемаля Ататюрка, коммунисты, курды и азербайджанцы участвуют в противостоянии, которое в любой момент может перейти в войну. Однако самое главное напряжение, как и должно быть

у настоящего европейски ориентированного автора, возникает между политикой и искусством.

Дело не только в том, что Ка — поэт. Крутую политическую кашу заваривают отнюдь не военные и не коммунисты. Инициатором кемалистского восстания становится актер, пытающийся превратить театральные подмостки в политическую трибуну. Ка надеется обрести счастье с давней знакомой, которую знает со времени учебы в Стамбуле, и ему не очень-то хочется втягиваться в огнеопасные игры. Но противостоять вихрю невозможно. В результате человеку с кафкианским именем выпадает роль посредника в сложном поединке между актером-путчистом и непримиримым исламистом Ладживертом, а светлая любовная история превращается в политически отягощенную интригу. Естественно, ничем хорошим это кончиться не может.

Роман этот напоминает некое лирико-приключенческое чтиво,

повествующее о событиях столетней давности, тогда как на самом деле все происходит в начале девяностых. Одна из главных проблем, вокруг которых ломаются копья, — вопрос о том, могут ли женщины оставаться в платках, находясь в общественных учреждениях. Кто-то, может быть, думает, что современные обитательницы исламского университета только и мечтают о том, чтобы эти самые платки наконец снять. Ничего подобного — все ровно наоборот. Женщины из всех сил сопротивляются новым порядкам, отстаивая свое право на платок. Более того, освобождение головы от платка может стать главным жестом политически нагруженного театрального представления, в кого из-за этих самых платков стреляют, а кто-то из-за них вешается.

Памук рассказал нам о своем, и рассказал хорошо. Некоторые европейские читатели, впрочем, считают, что главное здесь отнюдь не судьбы Турции, а любовь и снег.

Памук Орхан

25.05.06

251-